

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ГЛОБАЛЬНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ: ВЛИЯНИЕ НА КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Александр Габуев

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

**ГЛОБАЛЬНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО
ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ:
ВЛИЯНИЕ НА КОРЕЙСКИЙ
ПОЛУОСТРОВ**

Александр Габуев

Исследование выполнено при поддержке Korea Foundation.

Данное издание подготовлено Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16 стр. 1
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2018

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Соперничество великих держав	5
США и Китай	7
Россия и США	10
Китай и Россия	11
Соперничество США и Китая на Корейском полуострове	12
Меняющаяся роль России	15
Заключение	17
Примечания	21
Московский Центр Карнеги	23

Об авторе

Александр Габуев — руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги.

Его научные интересы затрагивают российскую политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе, политические и идейные течения в КНР, а также отношения Китая со своими соседями, в особенности с Россией и странами Центральной Азии.

До прихода в Московский Центр Карнеги А. Габуев был заместителем главного редактора журнала «Коммерсантъ-Власть» и членом редакционной коллегии ИД «Коммерсантъ».

Краткое содержание

Северо-Восточная Азия (СВА) — регион, в котором активно конкурируют две ведущие державы XXI века, США и Китай, а также продвигает свои интересы окрепшая Россия. Для региона с его многочисленными застарелыми конфликтами — прежде всего на разделенном Корейском полуострове — соперничество великих держав означает новые риски. Политическим лидерам следует лучше понимать новую реальность и стараться создавать механизмы, которые позволят избежать перерастания локальных кризисов в полномасштабные вооруженные конфликты.

Основные выводы

- Возвращение соперничества великих держав — новое явление в глобальной политике в условиях, когда идет трансформация миропорядка. Нынешнее соперничество вызвано борьбой за власть в мировой системе и противоречиями между национальными интересами различных игроков. Тем не менее оно крайне опасно для международного мира. В силу экономической и военной асимметрии между игроками и ведения борьбы одновременно во многих сферах оценивать риск перерастания информационной операции или экономического давления в военный конфликт становится все сложнее.
- Антагонизм великих держав отражается и на протекании региональных конфликтов. Особенность и опасность нынешнего момента заключается в том, что нарастающая конфликтность в отношениях между великими державами приводит к тому, что общая враждебность переносится на все без исключения конфликты, в которых они участвуют.
- Ситуация в СВА и особенно на Корейском полуострове становится все более опасной. В новой реальности противоречия между державами, не имеющие отношения к ситуации вокруг КНДР, все в большей степени негативно влияют на их взаимодействие на Корейском полуострове.
- Конкуренция США и Китая перерастает в соперничество за региональное и глобальное лидерство. Все более антагонистические отношения двух крупнейших держав XXI века — главный риск для стабиль-

ности на Корейском полуострове. Ситуация вокруг КНДР становится еще одним фактором напряжения между Вашингтоном и Пекином.

- Ухудшающиеся отношения России и США — дополнительный фактор напряженности для Корейского полуострова. Вместо того чтобы использовать кризис вокруг КНДР как одну из площадок для совместной работы, Россия и США все жестче противостоят друг другу. В условиях противоборства с США и действия западных санкций Россия вынуждена все больше развивать партнерство с Китаем, углубляя асимметричную зависимость: Пекин нужен Москве гораздо больше, чем наоборот. Именно поэтому в ситуации вокруг КНДР Россия все больше играет вторую скрипку в китайской партии.
- Республика Корея оказывается в новой стратегической ситуации. Ее основным экономическим партнером является Китай, но при этом КНР все серьезнее конфликтует с основным гарантом безопасности страны — США. Сеул все чаще должен делать выбор между интересами двух важнейших партнеров.
- Главный риск для мира в СВА — возможность того, что американская реакция на ядерную программу КНДР приведет к полномасштабному военному соперничеству с Китаем и Россией, в которое будут втянуты и союзники США. Это произойдет в том случае, если дипломатические усилия не дадут результата и США либо решатся на одностороннюю военную операцию против объектов на территории КНДР, либо будут сдерживать Северную Корею ракетами средней дальности. Размещение подобных систем на Корейском полуострове, вблизи от Пекина, вызовет жесткий ответ КНР и приведет к региональной гонке вооружений с непредсказуемыми последствиями.

Рекомендации

- В условиях острого дефицита доверия страны региона должны инвестировать в развитие каналов коммуникации и доверительного диалога. Странам следует создать сеть двусторонних и многосторонних консультационных механизмов для дипломатов, военных и представителей спецслужб, а также поддерживать диалоги второго и полуторгового треков.
- Странам региона следует провести детальную оценку возможных последствий как прекращения действия российско-американского Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), так и использования таких систем на Корейском полуострове.
- Странам следует усилить работу по корейскому направлению на платформе Восточно-Азиатских саммитов и способствовать дальнейшей институционализации этой площадки.

Введение

Мировая система находится в стадии трансформации. Изменения вызваны одновременным действием нескольких тенденций. Во-первых, неравномерный экономический рост приводит к перераспределению глобального богатства и экономической мощи; локомотивом мировой экономики становится Азиатско-Тихоокеанский регион. Во-вторых, формируются новые правила игры в мировой торговле: происходит не универсальное расширение режимов ВТО на новые страны или отрасли, а создание альтернативных торговых блоков вроде Транстихоокеанского партнерства (ТТП)¹ или Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). В результате вместо утверждения общих правил в мировом масштабе происходит регионализация режимов глобальной торговли, выстраивающаяся вокруг отдельных стран и альянсов, и усиление конкуренции между этими региональными торговыми группировками. В-третьих, набирающая обороты технологическая революция быстро меняет облик глобальной экономики, а также жизнь обществ и отдельных людей. Наконец, углубляющееся разделение труда как в мире, так и внутри отдельных стран обуславливает усиление имущественного расслоения и социальной поляризации. Как ответ на это явление, а также на утрату привычных экономических, социальных и моральных ориентиров мир захлестывает популистская волна.

Следствием и одновременно катализатором этих тенденций становится возвращение в мировую политику соперничества глобальных держав. Ареной противостояния сразу нескольких держав становится Северо-Восточная Азия (СВА). Этот регион — один из локомотивов роста мирового ВВП, здесь сосредоточены все крупнейшие экономики мира за исключением ЕС (США, Китай, Япония)², а потому идет острая борьба между правительствами и компаниями не только за рынки, но и за установление правил игры на этих рынках. В регионе доминирующую роль в сфере безопасности играют США и их союзники, однако тут же находятся быстро наращивающий военные возможности Китай, а также восстанавливающая свой силовой потенциал Россия. СВА — очаг нескольких застарелых конфликтов, включая территориальные споры между Китаем и Японией (острова Сэнкаку/Дяоюйдао), Россией и Японией

(Южные Курилы). Однако главным фактором нестабильности является ситуация на разделенном Корейском полуострове, где КНДР развивает ракетную и ядерную программы, несмотря на противодействие мирового сообщества и санкции Совета Безопасности ООН.

В этих непростых условиях Россия осуществляет «поворот на Восток», вызванный необходимостью более активно развивать Дальний Восток и Сибирь, а также искать новые источники технологий и финансовых ресурсов в условиях западных санкций, введенных из-за событий на Украине. До 2014 года Северо-Восточная Азия находилась на периферии российской внешней политики, преимущественно ориентированной на Европу, США, постсоветское пространство и отчасти Ближний Восток. Москва номинально участвовала во многих процессах в жизни региона как страна, географически являющаяся частью СВА, а также как постоянный член СБ ООН. Однако реальный уровень вовлеченности России и ее влияния на региональные дела оставался относительно низким. С 2014 года ситуация и, соответственно, политика России принципиально изменились. Прагматические соображения вынудили ее повысить позицию Азии в списке внешнеполитических приоритетов. Кроме того, накладывает свой отпечаток и изменившаяся природа отношений с США и Китаем: Вашингтон окончательно превратился в главного противника России, в то время как Пекин стал главным партнером РФ из числа великих держав.

Усиление роли России в мире в целом и в СВА — новая реальность, на которую приходится реагировать странам региона. Отношения РФ с США остаются глубоко враждебными, поэтому для Москвы и Вашингтона СВА все больше становится лишь еще одним плацдармом для глобального противостояния. Китай вовлекает³ Россию как партнера для реализации своей стратегии в отношении Корейского полуострова. Япония и Республика Корея находятся в сложном положении. С одной стороны, Токио и Сеул стремятся развивать прагматичный диалог с Москвой. Япония надеется решить территориальный спор с Россией вокруг Курильских островов, а также обеспокоена стратегическим сближением РФ и КНР. Южная Корея, в свою очередь, надеется на помощь России в решении северокорейской ядерной проблемы, а заодно рассчитывает укрепить свои экономические позиции на Дальнем Востоке. С другой стороны, Токио и Сеул вынуждены учитывать возможные последствия своих шагов навстречу России и отказываться от многих из них, поскольку этого от них настойчиво добивается самый важный союзник — Вашингтон.

Возвращение геополитической конкуренции великих держав, заметное в СВА, резко повышает риск войны. На локальные и региональные противоречия теперь накладывает логика глобального антагонизма. Это все меньше позволяет великим державам отделять региональные проблемы, в которые они вовлечены, от коренных проблем в двусторонних

отношениях. Любой региональный конфликт начинает видеться через логику противостояния, что существенно затрудняет поиск компромиссов. Это в полной мере касается и ситуации на Корейском полуострове.

Временная разрядка напряженности на Корейском полуострове, последовавшая за успешным саммитом президента Республики Корея Мун Чжэ Ина с лидером КНДР Ким Чен Ыном в апреле 2018 года и связанная с активными дипломатическими усилиями в треугольнике Сеул — Пхеньян — Вашингтон, не должна создавать ложного чувства безопасности. Даже если угроза регионального конфликта, вызванного прогрессом Северной Кореи в развитии межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и общим ходом ядерной программы Пхеньяна, станет менее актуальной благодаря искусной дипломатии, противоречия великих держав в СВА сохранятся. А значит, странам региона по-прежнему надо прикладывать усилия, чтобы снизить опасность перерастания конкуренции в более открытые формы противостояния, включая торгово-санкционные войны и боевые столкновения.

Соперничество великих держав

Для того чтобы оценить влияние противоречий между США, Китаем и Россией на Корейский полуостров, необходимо очертить логику соперничества великих держав в начале XXI века и понять, почему подобное соперничество вернулось в мировую политику, хотя еще 25 лет назад казалось, что оно безвозвратно ушло в прошлое.

Окончание холодной войны и последовавший за этим пик могущества США, как тогда представлялось, положили конец конкуренции великих держав. Но уже в начале 2000-х годов стало очевидно, что период безоговорочного доминирования США в мировой системе подходит к концу. Главный вызов либеральному миропорядку, основанному на сочетании рыночного капитализма и демократии, был прежде всего связан с начавшимся возвышением Китая. Заимствовав механизмы рынка и сделав ставку на активное участие в глобализации, КНР сохранила авторитарный однопартийный режим и не собирается от него отказываться. Китай, который уже в 2030-х годах может стать крупнейшей экономикой мира⁴, начинает претендовать на региональное лидерство и хочет, чтобы его мнение учитывалось при решении вопросов глобального управления — от реформы мировой финансовой архитектуры⁵ до мер по борьбе с изменениями климата⁶ или международного сотрудничества в Арктике⁷. Главное же заключается в том, что по мере роста богатства и могущества за счет участия в глобализации, вопреки ожиданиям, Китай не только не становится более похож на США по своему внутреннему устройству, но и все больше не хочет признавать единоличное лидерство Америки в международных отношениях.

Сделав ставку на активное участие в глобализации в 1990-х, Китай накопил экономическую мощь.

Иной путь прошла Россия. Стабилизировав ситуацию внутри страны к началу 2000-х и получив значительные финансовые ресурсы благодаря росту цен на сырье, Кремль начал предпринимать попытки восстановить свой глобальный статус великой державы и укрепить свою зону влияния

на постсоветском пространстве. Россия сейчас является единственной великой державой, которая открыто бросает вызов американскому глобальному лидерству, а в результате вмешательства в выборы США и победы Дональда Трампа российская тема стала частью американской внутренней политики, из-за чего конфронтация двух стран принимает все более ожесточенные и опасные формы.

Катализатором того, что великие державы стали вновь конкурировать, стало ослабление американского лидерства во второй половине 2000-х годов. Войны в Афганистане и Ираке не только не были выиграны, но и поставили под сомнение моральное лидерство Америки в мире. Еще один удар по позициям США как гегемона был нанесен глобальным финансово-экономическим кризисом 2007–2009 годов, который продемонстрировал слабости американской экономической модели. Кроме того, из-за быстрого возвышения других центров силы относительное могущество Америки неуклонно снижается. США по-прежнему являются лидером, но их лидерству все чаще бросается вызов. При этом другие центры силы конкурируют как с Америкой, так и между собой, а традиционные союзники США вроде Японии все чаще пытаются формулировать свою стратегию⁸, ставя во главу угла собственные национальные интересы, а не интересы старшего партнера по альянсу.

Каковы же основные характеристики новой фазы соперничества великих держав?

Во-первых, это соперничество определяется логикой борьбы за власть и влияние в мировой системе, а не идеологической конфронтацией двух систем. Различия в ценностях между авторитарным Китаем и либеральными США существуют, но они не столь глубоки, как различия между Америкой и Советским Союзом во времена холодной войны. Идейная основа разногласий великих держав — это национализм и представления о собственной исключительности, свойственные всем глобальным игрокам.

Во-вторых, соперничество все меньше регулируется нормами международного права. Рассматривая американские кампании против Югославии и Ирака как индульгенцию на нарушение международного права, Китай и Россия все чаще не считаются с буквой различных международных соглашений, если могут себе это позволить и если это соответствует их пониманию своих национальных интересов. Особенно данная тенденция заметна в сфере применения военной силы и экономических

инструментов: великие державы все чаще не стесняются использовать свои войска без санкции Совбеза ООН (как Россия в Крыму или Китай, сооружающий искусственные острова в Южно-Китайском море), а также используют экономическое оружие вроде санкций и контрсанкций, обходя нормы ВТО.

В-третьих, конкуренция великих держав происходит на всех возможных фронтах и в различных сферах. Борьба ведется между вооруженными силами, спецслужбами, в области экономики и финансов, в киберпространстве и мировом медиапространстве. При этом правил ведения конфликтов во многих из этих сфер не существует, как нет и четкого понимания пропорциональности. Именно поэтому противоречия в одной сфере могут легко перетекать в другую, что ведет к увеличению рисков.

В-четвертых, великие державы все чаще становятся заложниками политики своих младших партнеров или стран и негосударственных игроков, действия которых они не могут контролировать. Так, например, соперничество великих держав на Корейском полуострове во многом является реакцией на шаги режима в Пхеньяне, а усилия различных региональных и местных игроков в Сирии ведут к обострению российско-американских противоречий в этой стране и на Ближнем Востоке в целом.

Наконец, в-пятых, великие державы все хуже понимают логику действий друг друга. Во многом это обусловлено историческими факторами. Финансовая ситуация в экспертной среде в России в 1990-х и 2000-х годах привела к заметному падению качества аналитического аппарата, обслуживающего принятие внешнеполитических решений. В США инвестиции в изучение России также сократились после развала СССР, поскольку постсоветское пространство перестало быть приоритетом для американской внешней политики. Пожалуй, лучше всего осведомлены друг о друге лишь Китай и США. Из-за деградации уровня экспертизы оппоненты стали хуже понимать мотивы действий друг друга, что может приводить к просчетам, особенно опасным в моменты кризисов.

В чем же заключается суть противоречий в треугольнике США — Китай — Россия?

США и Китай

Оценка отношений США и Китая как самых главных двусторонних отношений XXI века давно стала общим местом: речь идет о двух крупнейших мировых экономиках и двух сильнейших в мире армиях. С конца 1980-х Америка занимает беспрецедентную для мировой системы позицию глобального гегемона. В то же время Китай стремительно укрепляет свои глобальные позиции. Сделав ставку на активное участие в глобализации в 1990-х, Китай получил огромные выгоды и накопил экономическую мощь, которую трансформирует в политическую и военную.

В отношениях США и КНР есть элементы как сотрудничества, так и соперничества. Две страны выстроили модель взаимовыгодных и усложняющихся экономических связей; в обоих государствах есть влиятельные бизнес-лобби, выступающие за улучшение отношений, а также углубляющиеся межчеловеческие связи на уровне элит и обычных граждан. Тем не менее противоречия между двумя державами все сильнее обостряются.

Основная причина заключается в том, что растущий Китай все больше становится конкурентом США во многих аспектах глобального лидерства. При этом США продолжают укреплять свою мощь по многим показателям, экономический и военно-политический потенциал КНР растет быстрее, из-за чего глобальный баланс сил постепенно смещается в сторону Китая.

Вторая важнейшая причина — то, что при всей своей интегрированности в глобальный мир Китай не собирается демократизировать свою политическую систему и сближаться с Америкой по вопросу базовых политических ценностей. Между тем в 1990-е многие на Западе считали, что ввиду участия Китая в глобализации и перехода его экономики на рыночные рельсы демократизация режима в КНР — вопрос времени. Однако этого не произошло. Напротив, получив прагматичные выгоды от участия в современном миропорядке во главе с США, Китай лишь накопил силы, но так и не пережил внутреннюю трансформацию, которая сблизила бы его с Западом на ценностном уровне, — как это произошло с Японией. Сочетание превращения Китая в глобального конкурента США, разочарования в мифе о скорой демократизации КНР и растущей неуверенности среди элиты США в будущем американоцентричного мирового порядка делает соперничество Пекина и Вашингтона все более острым и интенсивным.

Растущий Китай все больше становится конкурентом США во многих аспектах глобального лидерства.

США и Китай пытались создать новую модель отношений, которая бы способствовала формированию совместного лидерства, однако пока эти попытки не увенчались успехом. Выдвинутая администрацией Обамы концепция «большой двойки» (G2)⁹ основывалась на признании Китаем написанных в США пра-

вил игры в глобальной экономике, что категорически не устроило Пекин. В свою очередь, предложенная председателем КНР Си Цзиньпином концепция «отношений между великими державами нового типа»¹⁰ подразумевала взаимное уважение коренных интересов партнера, что включало бы отказ США от поддержки демократии и прав человека в КНР — и что было бы категорически неприемлемо уже для Вашингтона.

Приход к власти в США Дональда Трампа высветил и усугубил многие из этих противоречий, выведя их на новый уровень. Новый американский президент давно и последовательно критиковал Китай, считая его экономические успехи оборотной стороной «проигрыша» Америки

в нечестной конкурентной борьбе. Белый дом начал активное давление на Пекин, требуя пересмотра условий двусторонних торгово-инвестиционных отношений, сокращения дефицита США в торговле с КНР с 350 млрд до 150 млрд долларов, а также кардинального изменения Китаем основ своей экономической политики (в частности, отказа от протекционистской программы импортозамещения в промышленности «Сделано в Китае — 2025»¹¹). С другой стороны, Дональд Трамп начал требовать от Китая усилить давление на КНДР, напрямую увязывая возможные условия двусторонней торговли с той «помощью», которую Пекин готов оказать Вашингтону в решении северокорейской ядерной проблемы.

В качестве рычагов давления на Китай администрация Трампа использует такие меры, как установление односторонних тарифов, ограничения на инвестиции в США для китайских высокотехнологичных компаний вроде Huawei и ZTE, а также вторичные санкции против китайских компаний и банков, работающих с КНДР. Отдельной областью противостояния становится военная сфера: в принятой в начале 2018 года Стратегии национальной обороны США Китай впервые напрямую назван «стратегическим конкурентом» (*strategic competitor*)¹², и увеличение бюджета Пентагона направлено на нейтрализацию военного потенциала Народно-освободительной армии Китая (НОАК). В свою очередь, Китай, по-прежнему стараясь избегать предумышленных обострений, уже не готов идти на односторонние уступки как по вопросам торговли, так и в военной сфере. Ответом на торговый ультиматум США стали китайские контрсанкции, а в Южно-Китайском море Пекин продолжает милитаризацию баз на насыпных островах.

Дополнительной проблемой для отношений двух важнейших сверхдержав XXI века становится и то, как возвышение Китая воспринимают американские союзники в Азии. Япония считает превращение КНР в доминирующий центр силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) ключевым геополитическим вызовом для своих национальных интересов, а потому администрация Синдзо Абэ предпринимает различные шаги для укрепления военной составляющей американо-японского союза. Кроме того, Токи старается увеличить свои военные возможности и снять ограничения, накладываемые на эту сферу послевоенной конституцией страны. Наконец, японские стратеги обеспокоены геоэкономической экспансией Пекина и пытаются сформулировать альтернативы для таких китайских инициатив, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) или «Пояс и путь». Все большую обеспокоенность ростом Китая выражают и другие американские союзники в АТР, в особенности Австралия¹³. Долгие годы

Проблемой для отношений США и Китая становится то, как его возвышение воспринимают союзники США в Азии.

китайский экономический бум был одним из источников благосостояния континента, который превратился в надежного поставщика сырья и магнит для китайских инвесторов. Однако в последние годы Канберра обеспокоена растущей зависимостью от Пекина, а также китайскими попытками вмешиваться во внутренние дела Австралии через местную китайскую диаспору. Не являясь союзником США, на почве сдерживания Китая все больше пытается сблизиться с Вашингтоном и Индия — она ощущает угрозу из-за роста китайского влияния в зоне Индийского океана и традиционно обеспокоена тесными связями между Пекином и своим заклятым противником, Пакистаном.

Растущая поляризация региона, в ходе которой страны все больше вынуждены выбирать между Китаем и США, представляет значительную угрозу для стран, пытающихся сохранить конструктивные отношения с обоими центрами силы, — таких как Республика Корея или Сингапур. Этим странам приходится все чаще лавировать между антагонистическими интересами Вашингтона и Пекина, но делать это оказывается все сложнее по мере углубления и обострения китайско-американских противоречий.

Россия и США

В новой редакции Стратегии национальной обороны США Китай не единственная страна, названная «долгосрочным стратегическим конкурентом»¹⁴ для американских вооруженных сил. К той же категории Пентагон впервые отнес и Россию: о сдерживании Пекина и Москвы впервые говорится как о главных приоритетах американской военной доктрины. Таким образом, Москва возвращает себе статус одного из основных соперников США, утраченный после окончания холодной войны и распада СССР.

После событий 2014 года и присоединения Крыма к России с участием Вооруженных сил РФ конфликт вступил в открытую фазу. К началу 2018-го отношения между Россией и США были хуже, чем на многих отрезках холодной войны: спецслужбы двух стран вели активные действия друг против друга; в США приняли закон о санкциях¹⁵, который вряд ли может быть отменен в обозримом будущем; две страны находятся на грани военного столкновения в Сирии; механизмы контроля над вооружениями и укрепления мер доверия, выстроенные в годы холодной войны, трещат по швам. Главное же изменение заключается в том, что обе страны стали внутривосточной проблемой друг для друга, а потому любая попытка наладить отношения воспринимается во внутривосточном дискурсе чуть ли не как предательство. Этому способствует и активная информационная война, которую Запад и Россия ведут друг против друга уже несколько лет.

В этих условиях пространство для конструктивного диалога между США и Россией неуклонно сжимается. Это касается и региональных проблем, по которым Вашингтон и Москва сотрудничали в прежние годы, — особенно связанных с иранской и северокорейской ядерными программами. Любой поиск компромисса с Россией или обращение за помощью к ней, даже по такой теме, как КНДР, почти неприемлемы для США. В то же время Россия, все более увлекающаяся идеей борьбы с американской гегемонией, не видит резона сотрудничать с Вашингтоном где бы то ни было, включая Корейский полуостров.

Подобная ситуация ставит в особо деликатное положение тех союзников США в АТР, которые по каким-то причинам стремятся наладить диалог с Россией. Так, Япония пытается решить застарелый территориальный спор с РФ вокруг принадлежности южнокурильских островов, а также старается не допустить чрезмерного сближения Москвы с Пекином, главным стратегическим конкурентом Токио. В свою очередь, новая администрация Республики Корея во главе с президентом Мун Чжэ Ином старается выстроить отношения с Россией, чтобы получить поддержку Москвы в северокорейском вопросе, а заодно укрепить позиции южнокорейского бизнеса на Дальнем Востоке РФ. Однако возможности использовать инвестиции или кредиты, чтобы улучшить политические контакты с Москвой за счет углубления деловых связей, у Токио и Сеула ограничены — из-за американских санкций. В этой ситуации бенефициаром углубляющихся противоречий РФ и США становится другая великая держава — Китай.

Китай и Россия

Конфликт России с Западом стал катализатором сближения между Москвой и Пекином. До войны 2014 года на Украине Китай уже был важным партнером России, однако после присоединения Крыма и введения Западом санкций потребность Москвы в отношениях с Пекином заметно усилилась. Чтобы легче перенести санкции и углубляющуюся изоляцию, России требовался крупный внешний партнер, который бы обеспечил новые рынки для российского сырья, компенсировал выпадающие из-за санкций кредиты и инвестиции, поделился критически важными технологиями. Руководство КНР оказалось готово использовать этот шанс: хотя далеко не все ожидания российских партнеров были реализованы, начиная с 2014 года многие российские компании смогли выйти на китайский рынок или получить доступ к китайским деньгам — особенно это касалось крупных госкомпаний вроде «Газпрома» и «Роснефти» или частных конгломератов, принадлежащих бизнесменам из близкого окружения президента Путина. Таким образом, с 2014 года Россия и Китай углубляют взаимовыгодную зависимость, которая при этом носит

асимметричный характер: Пекин нужен Москве куда больше, чем Москва Пекину. При этом руководство КНДР достаточно тактично, чтобы подчеркивать равный статус Москвы в этом тандеме.

На практике более тесное взаимодействие Москвы и Пекина заметно в первую очередь в сфере безопасности. Россия и Китай возобновили торговлю передовыми вооружениями, Пекин стал первым покупателем самых современных ракетных комплексов «земля — воздух» С-400¹⁶ и самолетов Су-35¹⁷. Обе страны все чаще проводят совместные учения¹⁸, причем в 2015, 2016 и 2017 годах к традиционным антитеррористическим учениям на суше «Мирная миссия» под эгидой Шанхайской организация сотрудничества (ШОС) добавились морские учения, которые проходили в Восточном Средиземноморье, в Южно-Китайском море¹⁹, на Балтике²⁰ и в Восточно-Китайском море.

Точно так же Москва и Пекин углубляют взаимодействие в различных регионах мира. При этом обе страны не оказывают друг другу безоговорочную поддержку. Так, Пекин никогда не признавал Крым частью России и выступает за территориальную целостность Украины²¹. В то же время Москва не высказывается однозначно в поддержку китайских претензий в Южно-Китайском море или в спорах с Индией. Признавая возможность не соглашаться друг с другом по этим вопросам, Россия и Китай стараются координировать политику там, где у обеих стран есть стратегические интересы и рычаги влияния. Одним из таких регионов мира, безусловно, является Корейский полуостров.

Соперничество США и КНДР на Корейском полуострове

Основная линия действий великих держав на Корейском полуострове выглядит как реакция на шаги Пхеньяна и во многом ей и является. Однако противоречия между двумя центрами силы в АТР играют не меньшую роль, хотя она и менее заметна. И для Вашингтона, и для Пекина, и для многих других игроков будущее устройство Корейского полуострова послужит одним из индикаторов того, какая архитектура безопасности выстраивается в АТР: по-прежнему ли военные союзы во главе с США будут доминировать, или же Китай сможет создать на своей периферии «зону влияния», в которую попадет и Корейский полуостров.

Внешне США, Китай и Россия в своей политике на Корейском полуострове реагируют прежде всего на шаги КНДР по развитию ядерной программы. В 1980-е годы Пхеньян начал работы над созданием ядерного оружия: отношения с Москвой и Пекином, союзниками по Корейской войне и патронами режима Ким Ир Сена, постепенно охладились, и режим искал способ повысить свою независимость и безопасность. До начала 2000-х ядерные амбиции Пхеньяна удавалось

сдерживать благодаря международным дипломатическим усилиям. Кроме того, развитие атомной и ракетной программ тормозилось низким стартовым уровнем, с которого КНДР пришлось начинать работу над технологиями. Однако в начале XXI века северокорейская ядерная программа начала уверенно прогрессировать. В 2003 году Пхеньян окончательно вышел из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), через три года провел первые ядерные испытания, а с 2012-го, когда страну возглавил Ким Чен Ын, третий представитель династии Ким, военная атомная программа стала одним из важнейших приоритетов режима. В 2015–2017 годах КНДР провела серию успешных испытаний как атомных зарядов, так и средств их доставки. По состоянию на начало 2018 года у Пхеньяна на вооружении имелись образцы межконтинентальных баллистических ракет, способных нести ядерные заряды. КНДР остановилась в шаге от испытаний²², которые бы доказали, что выпущенная с Корейского полуострова ракета может достигнуть основной территории США и донести заряд до цели, не разрушившись при входе в плотные слои атмосферы.

По мере развития северокорейской ядерной программы США, КНР и Россия, как постоянные члены Совбеза ООН, активно сотрудничали для решения этой проблемы. Все три державы сходятся в том, что не хотят допустить появления у КНДР ядерного оружия, поскольку это поставит под удар региональную безопасность и нанесет урон глобальному режиму нераспространения. До недавнего времени все три державы сочетали дипломатические методы («шестисторонние переговоры» в Пекине в 2003–2007 годах) с давлением на КНДР посредством международных экономических санкций, закрепленных резолюциями Совбеза ООН²³. Параллельно США использовали и другие инструменты для борьбы с северокорейской угрозой. В частности, в годы президентства Барака Обамы было санкционировано использование американскими спецслужбами кибероружия с целью сдержать прогресс ядерной программы КНДР. Кроме того, Вашингтон принял решение и о размещении в Южной Корее комплексов противоракетной обороны THAAD (Terminal High Altitude Area Defense) — они были развернуты в первой половине 2017-го.

Несмотря на общую цель по сдерживанию ядерных амбиций КНДР, задачи США и Китая на Корейском полуострове гораздо шире и не сводятся к реагированию на северокорейскую угрозу. Во многом основную опасность для своих интересов и Вашингтон, и Пекин видят не в Пхеньяне, а друг в друге.

Помимо сдерживания КНДР США преследуют на Корейском полуострове следующие основные цели:

Несмотря на общую цель по сдерживанию ядерных амбиций КНДР, задачи США и Китая на Корейском полуострове гораздо шире.

- защита своего союзника — Республики Корея, а также сохранение там демократической политической системы и ориентации на США во внешней политике;
- сохранение американского военного присутствия на Корейском полуострове, которое не только страхует Южную Корею на случай вторжения с севера, но и является частью широкого присутствия вооруженных сил США в регионе, гарантирующей военное превосходство США в АТР над любым потенциальным противником;
- недопущение превращения Корейского полуострова в зону китайского влияния, в рамках которой Пекин сможет навязывать свою волю по политическим и экономическим вопросам Пхеньяну и Сеулу одновременно (или властям объединенного корейского государства в будущем);
- максимизация возможностей для американского бизнеса, в том числе за счет вовлечения Республики Корея в американоцентричные торговые соглашения (ТТП при Бараке Обаме или двусторонние соглашения, которым отдает предпочтение администрация Дональда Трампа).

Цели Китая во многом противоположны американским. Пекин хотел бы, чтобы:

- в долгосрочной перспективе американский военный контингент покинул Корейский полуостров;
- экономика КНДР и Республики Корея максимально зависела бы от связей с КНР;
- Пекин мог бы в будущем использовать свое экономическое влияние на корейские государства с тем, чтобы Пхеньян и Сеул следовали в фарватере китайской внешней политики.

Иными словами, в долгосрочной стратегии Пекина Корейский полуостров — это часть обширной китайской сферы влияния в Азии, в рамках которой КНР использовала бы более гибкие инструменты, чем военные союзы, но при этом доминирование Китая над соседями было бы обеспечено подавляющим военным превосходством над местными армиями и военными возможностями в данном регионе других глобальных игроков (прежде всего США), экономической зависимостью от китайского рынка, а также инструментами «мягкой силы».

Исходя из этих целей, обе державы рассматривают друг друга скорее как соперников, хотя вполне могут сотрудничать на тактическом уровне. Так, Китай понимает безальтернативность военного союза с США для Южной Кореи на нынешнем этапе и мирится с его существованием, в то время как Вашингтон понимает неизбежность роста экономической зависимости Республики Корея от КНР.

Различие в стратегических целях, а также разное внутривластное устройство в США и КНР объясняют и различие подходов Вашингтона и Пекина к северокорейской проблеме. Для США наличие тоталитарного режима в Пхеньяне само по себе является проблемой, поэтому задача-максимум в идеальных условиях — обеспечить трансформацию Северной Кореи в рыночную демократию за счет смены режима с дальнейшим объединением Кореи и сохранения уже объединенной Кореей союзнических отношений с США. На тактическом уровне, оценивая прочность режима как высокую, Вашингтон не стремится любой ценой поменять политический строй в Пхеньяне. Основная задача — свернуть ядерную программу КНДР, но при этом сохранить свое военное присутствие на Корейском полуострове. Для Китая же авторитарный режим в КНДР вообще не проблема. Пекину нужно, чтобы КНДР сохранялась в своем нынешнем виде как буфер между территорией КНР и территорией военного союзника США. Ядерная и ракетная программы Пхеньяна не нравятся Пекину не потому, что в Китае считают КНДР прямой военной угрозой: китайские аналитики считают, что режим Кимов развивает эти программы исключительно как средство самозащиты на случай враждебных действий со стороны США и их союзников. Пекин куда больше волнуют две вещи. Во-первых, вооруженный атомным оружием Пхеньян становится менее сговорчивым и контролируемым партнером. Во-вторых, прогресс ядерной программы КНДР дает США повод разворачивать новые системы вооружений на Корейском полуострове, а это может непосредственно повлиять на обороноспособность Китая. Так, Пекин активно выступает против размещения системы ТНААД, поскольку входящий в комплекс радар AN/ТРУ-2 может вести мониторинг ситуации в северо-восточных провинциях КНР, где размещены китайские ядерные силы и откуда НОАК проводит испытательные пуски новых типов ракет.

Меняющаяся роль России

Россия не играет определяющей роли в ситуации на Корейском полуострове, однако ее поведение — один из факторов, влияющих на общий расклад. Долгое время Москва старалась вести на полуострове собственную игру, умело используя ограниченные инструменты. Россия не имеет такого влияния на КНДР, как Китай, контролирующий 90 % северокорейской внешней торговли: объем торговли РФ и Северной Кореи не превышает 90 млн долларов. Нет у России в регионе и военных возможностей, сопоставимых с американскими и даже китайскими. Однако наличие исторических связей с КНДР, контакты в высшем руководстве страны и, главное, статус постоянного члена СБ ООН позволяли Москве вести свою игру.

**Москва выступила главной силой,
смягчившей условия санкций против КНДР
из осенних резолюций Совбеза ООН.**

Москва не считает, что КНДР развивает ядерную программу для наступательных целей: большинство российских экспертов сходятся в том, что атомное оружие нужно режиму в Пхеньяне как страховка — чтобы не повторить судьбу Саддама Хуссейна в Ираке или Муаммара Каддафи в Ливии²⁴. При этом перерастание дипломатического противостояния в военный конфликт для России крайне нежелательно, поскольку в 200 километрах от границы с КНДР находится городская агломерация с центром во Владивостоке, в которой проживает миллион человек. Кроме того, для России важно быть формальной частью дипломатических усилий по решению северокорейского кризиса — это существенно и с точки зрения глобального престижа РФ как великой державы, и с точки зрения использования северокорейского досье в качестве одного из доказательств того, что сотрудничество с Москвой необходимо единственной глобальной сверхдержаве, США. Наконец, Россия хотела бы реализовать ряд экономических проектов: проложить газопровод из Приморья в Южную Корею через территорию КНДР; соединить железные дороги двух Корей с выходом на Транссиб; создать единую систему передачи электроэнергии с участием РФ, КНДР и Республики Корея. Эти проекты позволили бы заработать российским госкомпаниям, а заодно создали бы источник дохода для КНДР, больше заинтересовав режим в стабильности на полуострове.

В 1990-е и 2000-е Москва в своих действиях на Корейском полуострове сверялась с Пекином, поскольку их общее видение ситуации было схожим и российское руководство считало многие шаги США контрпродуктивными и обостряющими ситуацию. При этом Кремль сохранял значительную автономию и не старался играть лидирующую роль, полагая, что северокорейский вопрос — куда более серьезная проблема для Китая, чем для России, и что Пекин обладает значительно более эффективными рычагами для воздействия на ситуацию. Кроме того, для Москвы было важно показать, что в корейском вопросе она является автономной от Пекина силой, а потому США надо работать с ней напрямую по этой теме.

Однако с 2014 года на политику Москвы заметно влияет логика растущего глобального соперничества великих держав: Кремль все больше склонен помогать Пекину, видя для себя все меньше перспектив для конструктивной работы с Вашингтоном на корейском направлении. Особенно ярко это проявилось во время острой фазы корейского кризиса в 2017 году. После того как конгресс США утвердил антироссийские санкции в качестве закона, пространство Белого дома для маневра в отношениях с Москвой заметно сузилось — это отметил в своем заявлении и президент Дональд Трамп²⁵. Выгод от сотрудничества с США на корейском

направлении не так много, особенно учитывая существенные разногласия Москвы и Вашингтона по вопросу о путях решения проблемы.

С другой стороны, Китай стал больше нуждаться в поддержке России. Дональд Трамп связал позицию США на торговых переговорах с Китаем с тем, насколько активно Пекин будет помогать Вашингтону решать проблему ядерных амбиций КНДР. В этой ситуации китайское руководство посчитало, что защищать свои красные линии на полуострове напрямую без ссоры с администрацией Трампа невозможно: ужесточение санкций, на котором настаивал Белый дом, могло означать удар по северокорейскому режиму — а коллапс последнего никак не отвечал китайским интересам. Использование России в этой логике выглядело оптимальным вариантом: Москве все равно нечего терять в отношениях с Вашингтоном, поэтому дополнительное раздражение США российской позицией по КНДР не сильно повлияло бы на расклад. В то же время, оказывая Китаю услугу, Россия не только бы отстаивала свою позицию, но и могла бы рассчитывать на дальнейшее укрепление связей с КНР, столь важное ввиду расширения западных санкций. В итоге именно Москва выступила главной силой, смягчившей условия санкций против КНДР, зафиксированных в осенних резолюциях Совбеза ООН²⁶. А после принятия этих резолюций российские компании предприняли ряд действий, которые помогли КНДР пережить наиболее болезненные санкции — прежде всего в части поставок топлива.

Учитывая существующую динамику отношений в треугольнике Россия — США — Китай, стоит ожидать, что Москва и дальше продолжит линию на все более активную поддержку действий Пекина в явной (действия дипломатов в Нью-Йорке) или скрытой (действия, помогающие КНДР обойти санкции) форме.

Заключение

Дальнейшее развитие ситуации на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии во многом зависит от конкретных действий отдельных игроков, прежде всего КНДР и США. Период обострения, когда в декабре 2017 года стороны вплотную подошли к возможности прямого военного столкновения, сменился периодом активных дипломатических усилий, увенчавшихся саммитами Ким Чен Ына с Мун Чжэ Ином в апреле и затем с Дональдом Трампом в июне. Исход этих усилий предсказать невозможно: и в 1990-е, и в 2000-е годы мир уже был свидетелем заключения договоренностей по северокорейской ядерной проблеме, которые могли бы стать основой для мирного решения, но затем неизбежно срывались из-за действий той или иной стороны.

Главное же в том, что долгосрочный мир на Корейском полуострове и в СВА невозможен без разрешения более фундаментальных противо-

речий между США и Китаем в регионе. Даже при условии, что КНДР откажется от ядерного оружия или Пхеньян и Вашингтон найдут взаимоприемлемую форму мирного сосуществования, это само по себе не приведет к урегулированию более глубоких и значимых противоречий между крупнейшими сверхдержавами XXI века. Ситуация на Корейском полуострове не будет единственным фактором, определяющим динамику американо-китайского соперничества и сотрудничества. Однако способность Вашингтона и Пекина конкурировать мирными средствами в этом регионе существенно повлияет на общий уровень их отношений. Точно так же Украина сама по себе не была причиной конфликта между США и Россией: разногласия между державами носили глубинный характер, а проблемы в двусторонних отношениях копились годами. Однако при более умелом управлении кризисом и полном использовании инструментов дипломатии острого конфликта и боевых действий, возможно, удалось бы избежать, что позитивно отразилось бы и на общем уровне американо-российских отношений. То же самое справедливо для взаимодействия США и Китая на Корейском полуострове.

Главный риск — возможность того, что американская реакция на ядерную программу КНДР приведет к полномасштабному военному соперничеству с Китаем и Россией, в которое будут втянуты и союзники США. Это случится в том случае, если дипломатические усилия не дадут результата и США либо решатся на одностороннюю военную операцию против объектов на территории КНДР, либо будут сдерживать Северную Корею размещением новых ударных систем на Корейском полуострове, к чему открыто призывают многие влиятельные американские эксперты. Учитывая постепенную эрозию российско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, в негативном сценарии США могут разместить на территории Республики Корея или Японии подобные ракетные системы, которые бы дополнили оборонительные возможности системы ТНААД. Появление таких комплексов в непосредственной близости от Пекина предсказуемо вызовет крайне жесткий ответ КНДР и приведет к региональной гонке вооружений, в которую окажется втянута и Россия. Во многом ситуация будет напоминать европейский ракетный кризис начала 1980-х, разрешение которого потребовало немало дипломатического искусства и везения.

Одна из главных характеристик конкуренции между великими державами на современном этапе — неполное понимание мотивации друг друга, а также повышенный риск перетекания конфликтности из одной сферы в другую в результате использования асимметричных средств (экономические санкции в ответ на военные операции, кибероперации в ответ на санкции и т. п.). В этих условиях как сами великие державы, так и другие страны региона должны инвестировать в развитие каналов коммуникации и доверительного диалога.

Странам следует создать сеть двусторонних и многосторонних консультационных механизмов для дипломатов, военных и представителей спецслужб, а также развивать диалог в рамках второго и полуторного треков. В ходе подобных обсуждений стороны могли бы максимально откровенно обмениваться оценками ситуации и обозначать свои красные линии. Другим игрокам следует учитывать противоречия крупных держав, выходящие далеко за пределы повестки конкретного кризиса. Особая роль принадлежит странам, которые могли бы создавать площадки, пользующиеся максимальным доверием (или наименьшим недоверием) всех вовлеченных сторон. В нынешней ситуации на Корейском полуострове такой страной выступает Республика Корея, а из внерегиональных игроков — Сингапур. В будущем странам необходимо усилить работу по корейскому направлению на платформе региональных форумов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АСЕАН) и особенно Восточно-Азиатских саммитов (ВАС) и способствовать дальнейшей институционализации ВАС в качестве наиболее репрезентативного форума по обсуждению вопросов региональной безопасности. Что касается тематики, то помимо обсуждения собственно корейской проблематики странам региона следует провести детальную оценку возможных последствий прекращения действия российско-американского РСМД для СВА, а также обсудить опыт создания многосторонних механизмов контроля над вооружениями в Европе в годы холодной войны, а также опыт демилитаризации российско-китайской границы в 1990-е годы.

В нынешней ситуации великие державы, особенно США и Китай, вряд ли могут быстро урегулировать свои противоречия или даже обозначить общее видение того, как будет происходить этот процесс. Конкуренция набирает обороты, и судьба гонки будет решаться не только и, надо надеяться, не столько военными и дипломатами, но и учеными в кампусах университетов, инвестбанкирами в финансовых центрах, сотрудниками СМИ и деятелями искусства. Пока же и сверхдержавы, и вовлеченные в ситуацию игроки должны сделать все от них зависящее, чтобы минимизировать риск появления и развития негативных сценариев.

Примечания

- 1 *Пыжиков Н.* ТТП живо. Как «золотой стандарт» торговых соглашений смогли доделать без США. — Московский Центр Карнеги. — 20 марта 2018 года // <https://carnegie.ru/commentary/75798>
- 2 *Smith R.* The world's biggest economies in 2018. — World Economic Forum. — 2018, April 18 // <https://www.weforum.org/agenda/2018/04/the-worlds-biggest-economies-in-2018/>
- 3 *Gabuev A.* China and Russia's Dangerous Entente. — The Wall Street Journal. — 2017, October 4 // <https://www.wsj.com/articles/china-and-russias-dangerous-entente-1507158142>
- 4 China 2030: building a modern, harmonious, and creative society. — World Bank. — 2013, March 23 // <http://documents.worldbank.org/curated/en/781101468239669951/pdf/762990PUB0china0Box374372B00PUBLIC0.pdf>
- 5 *Goodman M., Remler D., Ye Yu.* Parallel Perspectives on the Global Economic Order. — CSIS. — 2017, September 22 // https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170922_Remler_ParallelPerspectives_Web.pdf?JUYh7r7rMJGc0rv1bx8yGdHmi3B67TKk
- 6 *Worland J.* It Didn't Take Long for China to Fill America's Shoes on Climate Change. — Time. — 2017, June 8 // <http://time.com/4810846/china-energy-climate-change-paris-agreement/>
- 7 «中国的北极政策» 白皮书 (全文) (Полный текст Белой книги «Политика Китая в Арктике»). — 中华人民共和国国务院新闻办公室 (Информационное бюро Госсовета КНР). — 1 января 2018 года // <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm>
- 8 *Oba M.* Japan's Multi-Layered, Multilateral Strategy. — The Diplomat. — 2018, April 18 // <https://thediplomat.com/2018/04/japans-multi-layered-multilateral-strategy/>
- 9 *Brzezinski Z.* The Group of Two that could change the world. — Financial Times. — 2009, January 13 // <https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac>
- 10 Си Цзиньпин: прилагать усилия для строительства отношений великих держав нового типа между Китаем и Америкой (Си Цзиньпин: вэй гоуцзянь чжунмэй синьсин даго гуаньси эр бусе нули). — China Daily. — 6 июня 2016 года // http://china.chinadaily.com.cn/2016-06/06/content_25622937.htm
- 11 Сделано в Китае — 2025 (Чжунго чжицзао 2025) // <http://www.miit.gov.cn/n973401/n1234620/index.html>
- 12 National Defence Strategy. Summary of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America // <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

- 13 *Pomfret J.* China's meddling in Australia — and what the U.S. should learn from it. — Washington Post. — 2017, July 14 // https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2017/06/14/how-should-the-u-s-deal-with-chinas-rise-look-to-australia/?noredirect=on&utm_term=.ba0fafb0d4da
- 14 National Defence Strategy. Summary of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America // <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
- 15 115th Congress, 98–2. H.R. 3364 Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. — 2017, August 2 // <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text>
- 16 *Кашиин В.* Поставка С-400 в Китай — новый фронт холодной войны? — Московский Центр Карнеги. — 19 апреля 2015 года // <http://carnegie.ru/2015/04/19/ru-59828/ik1n>
- 17 *Wezeman S.* China, Russia and the shifting landscape of arms sales. — SIPRI. — 2017, 5 July // <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2017/china-russia-and-shifting-landscape-arms-sales>
- 18 *Gady F.* China and Russia to Increase Number of Military Exercises in 2016. — The Diplomat. — 2016, April 28 // <https://thediplomat.com/2016/04/china-and-russia-to-increase-number-of-military-exercises-in-2016/>
- 19 В Южно-Китайском море стартовали военно-морские учения РФ и КНР. — Российская газета. — 12 сентября 2016 года // <https://rg.ru/2016/09/12/v-iuzhno-kitajskom-more-startovali-voenno-morskie-ucheniia-rf-i-knr.html>
- 20 *Коростиков М.* Краснознаменный Китайско-Балтийский флот. — Коммерсантъ. — 25 июля 2017 года // <https://www.kommersant.ru/doc/3366433>
- 21 Ли Кэцян: мы уважаем независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины (Ли Кэцян: вомэн цзуньчжун укэлань дэ дули, чжужюань хэ линту ваньчжэн). — Сайт Государственного совета КНР. — 15 марта 2015 года // http://www.gov.cn/guowuyuan/2015-03/15/content_2834293.htm
- 22 *Jeong S., Ripley W., McKirdy E.* Kim Jong Un: North Korea No Longer Needs Nuclear Tests. — CNN. — 2018, April 22 // <https://edition.cnn.com/2018/04/20/asia/north-korea-closes-nuclear-site/index.html>
- 23 United Nations Security Council. — Resolution 1718. — 2006, October 14 // http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1718%20%282006%29
United Nations Security Council. — Resolution 1874. — 2009, June 12 // http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1874%282009%29
- 24 *Ивашенцов Г.* Корейский тупик Трампа. — Российский совет по международным делам. — 25 мая 2018 года // http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/koreyskiy-tupik-trampa/?sphrase_id=12237066; *Тимофеев И.* Пиррова победа? Опыт санкционной войны против Ирана. — 20 апреля 2018 года // http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/pirova-pobeda-opyt-sanktsionnoy-voyny-protiv-irana/?sphrase_id=12237066
- 25 115th Congress, 98–2. H.R. 3364 Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. — 2017, August 2 // <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text>
- 26 United Nations Security Council. — Resolution 2375. — 2017, September 11 // http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2375.pdf

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ

**ГЛОБАЛЬНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ:
ВЛИЯНИЕ НА КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ**

Александр Габуев

Редактура и корректура *бюро ТХТ (www.txtburo.com)*

Дизайнер русскоязычной версии *Я. Красновский*

Компьютерная верстка *Ю. Мосягин*

Фото на обложку: *Getty Images*

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16 стр. 1

Тел.: + 7 (495) 935-89-04

Факс: + 7 (495) 935-89-06

Email: info@carnegie.ru

www.carnegie.ru

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru